

Пролог

Город Верный

В мае, когда с перевалов сходит снег, ждали набегов кокандской конницы.

К ним привыкли, как привыкли к землетрясениям, которые часто беспокоили этот маленький пограничный городок у подошвы Заилийских гор.

Но прошел слух, что в городе Пржевальский, и кокандцев на время забыли.

Что выкинет великий путешественник на этот раз? Запрудит головной арык? Спалит сенной базар?

Главный архитектор города, обрусевший француз Павел Гурдэ, настраивался к отпору. За Пржевальским водилось — как выпьет, сейчас же к нему с идеями:

— Павел Васильевич, голубчик, что это у вас за улица — Арычная? Не звучит. Давайте сделаем ее Пржевальской!

Городской же архивариус, глубокий старик, заставший на своем веку нашествие Наполеона на Русь, открыл журнал и напротив аккуратно выведенной даты — 10 мая 1887 года — оставил потомкам запись: «Нашествие Пржевальского на город Верный».

* * *

Но где же Пржевальский?

Где черноусый красавец в мундире генерального штаба?

В девятом часу Пржевальский добрался до губернаторского дома на Соборной улице. Он искал генерал-губернатора Колпаковского, но нашел записку, которую ему вручил дежурный.

«Приезд Ваш, Николай Михайлович, — прочел он в записке, — доставил большую радость. Садитесь в пролетку. Жду на новой даче».

Тут же подали к крыльцу коляску.

Сев в нее, великий путешественник спросил возницу:
— Далеко ли до губернаторской дачи?
— Рукой подать, ваше благородие, — отвечал дружелюбный кучер. — В Бутаковском ущелье.
— Не ты ли меня катал в прошлый раз по городу?
— Я, ваше благородие. Прикажете по пути в рюмочную?
Николай Михайлович почесал нос.
— Нет, давай на дачу.
Пржевальский не похож на самого себя — не шутит с дежурными казаками, не задирает прохожих, не пьян с утра.
За этим стоит какая-то тайна.

* * *

В полдень на веранде губернаторской дачи пили душистый, заваренный с мятой чай и обжигались горячими *баурсаками*. За разговорами о хождении в страну Тибет Николай Михайлович вручил губернатору гостинцы: тибетские свистульки из человеческих костей, фанты с предсказаниями от ламы и, конечно, тибетский чай.

От последнего гостинца Колпаковский, равнодушный к хорошему чаю, пришел в восторг.

— Вы его попробуйте заварить по-тибетски, — посоветовал великий путешественник.

— Это как? — заинтересовался губернатор.

Пржевальский открыл путевой дневник, который всегда держал под рукой, нашел страницу с рецептом и сказал:

— Записывайте. Значит, так: чайный лист залить кипятком, поддержать на слабом огне, разлить по пиалам, добавить по вкусу соль, прогорклое масло, жирное молоко и птичий помет. Очень, знаете ли, бодрит! Записали?

— Я запомнил, — сказал Колпаковский. — Но не уверен, что захочу попробовать...

— Зря! В жизни, Герасим Алексеевич, нужно пробовать все! Я вот вчера попробовал *насвай*. Вкус спорный, но ощущения интересные, хотите послушать? Я записал в дневник.

Как все путешественники, Пржевальский вел путевой дневник. Писал он много и с удовольствием, пользуясь в походе каждым привалом. Со временем он так увлекся, что некогда сухие научные заметки превратились в живой приключенческий роман.

— Погодите-ка, — сказал губернатор, — но ведь про насвай уже написали.

— Кто написал?

— Верещагин. В «Туркестанских записках».

— Верещагин — это который художник? — уточнил Пржевальский.

— Да, художник.

— С бородой как у мужика?

— Точно, с бородой, — подтвердил губернатор.

Пржевальский нахмурился, нашел страницу с описанием насвая, вырвал из дневника и скомкал.

— И хорошо он пишет?

— Увлекательно.

— Что, действительно увлекательно? — ревниво спросил Пржевальский.

— Да, легко читается, — сказал губернатор. — Я за вечер прочел.

Пржевальский вздохнул.

— Можно ли представить такую конкуренцию во времена Беринга? — пожаловался он другу. — Нет! А сейчас? Конкуренция сумасшедшая, Грум-Гржимайло наступает мне на пятки, Семенов-Тянь-Шанский в затылок дышит, не хватало еще этого...

— Верещагина?

— Да, Верещагина... И фамилия у него подходящая...

— Куда подходящая?

— Члену Русского географического общества, конечно. Нет, правда, хорошая фамилия.

— Разве это главное? — удивился губернатор.

— А как же иначе? Разумеется, в нашем деле важны и храбрость, и упорство, и пытливость ума, но фамилия — это

все-таки главное. Ведь на нас, великих путешественниках, лежит большая ответственность: в нашу честь называют улицы, сопки, озера, диких лошадей...

Пржевальский разгорячился.

— Представьте, что дикую лошадь открыл бы не я, а Грум-Гржимайло, прости Господи. «Дикая лошадь Грум-Гржимайло» — это выговорить невозможно! Нет, великий путешественник обязан иметь благозвучную фамилию. Вот вы, Герасим Алексеевич, на такой фамилии, можно сказать, сидите.

— Да что в ней особенного?

— Будет вам скромничать, с такой фамилией не губернаторствовать нужно, а дальние страны покорять. Только послушайте, как хорошо звучит: ледник Колпаковского или тюльпан Колпаковского, например. Бог мой, я даже немного завидую. Кстати, у меня есть лишнее место в летней экспедиции: что скажете?

— Я бы с радостью, Николай Михайлович, но не могу. На мне город, на мне Семиреченский край.

Пржевальский развел руками, мол, все понимаю.

— Не смею настаивать, Герасим Алексеевич. Экспедицию можно отложить. Но есть у меня к вам одно безотлагательное дело...

— Вот как?

— Да. Строго между нами.

— Что ж, давайте к делу.

Тут Пржевальский напустил на себя таинственный вид и потянулся к переметной сумке, с которой не расставался весь день. Распутав тесьму, великий путешественник вытащил из сумки какой-то предмет, завернутый в грязную, в бурых пятнах, тряпицу.

— Что это?

— Да вот, разверните-с.

— Ну нет, — с сомнением посмотрев на подозрительную тряпку, сказал Колпаковский. — Вы как-нибудь сами.

— Как скажете.

Пржевальский развернул тряпицу и поставил на обеденный стол шкатулку из темного отполированного дерева. Открыв ее ключом (даже не ключом, а каким-то крошечным, не больше нательного крестика, ключиком), он откинул массивную крышку и подвинул шкатулку к губернатору.

Колпаковский с любопытством заглянул внутрь.

На дне шкатулки на подушечке из черного бархата лежала отрубленная рука.

— Что за шутки?! — рассердился губернатор. — Уберите это со стола.

— Да погодите, — сказал Пржевальский. — Извольте приглядеться. Ну? Разве не странные ногти?

Колпаковский заставил себя приглядеться к руке. Ногти на ней действительно были странные, непривычно длинные, с тусклым медным отливом. Губернатор постучал по ним столовой ложкой. Ногти зазвенели.

— Это медь?

— Представьте, да, — сказал Пржевальский.

— Поразительно...

— Еще бы!

— Позвольте, чья эта рука?

— Это, Герасим Алексеевич, рука *жезтырнака*!

— Кого-кого?

— Жез-тыр-на-ка, — по слогам произнес Пржевальский. — Персонаж такой из казахских сказок, вроде людоеда с медными ногтями.

— Он существует на самом деле?

— Так же, как и дикая лошадь Пржевальского, — улыбнулся великий путешественник. — Когда-то и ее считали выдумкой. Что скажете, Герасим Алексеевич, «жезтырнаки Пржевальского» — неплохо звучит?

— Звучит отлично. Но откуда у вас эта рука?

Пржевальский махнул рукой:

— Лучше не спрашивайте.

Заперев шкатулку на ключик, Николай Михайлович стал заворачивать ее обратно в подозрительную тряпку.

— Я на пороге величайшего открытия, — сказал он, пряча шкатулку в сумку. — Это будет триумф! Куда там Каульбарсу и Тянь-Шанскому.

— Вы представите свою находку Географическому обществу?

— Разумеется, но мне нужен живой жезтырнак. От обрубка руки, знаете ли, не тот эффект.

— Как же вы его изловите?

— Я? — Пржевальский пожал плечами. — Никак. Я рассчитывал на вас. Или, точнее, на вашу Кульджинскую канцелярию.

Кульджинская канцелярия

Адмирал Федор Петрович Литке был частым гостем на заседаниях Русского географического общества, куда его приглашали в память о былых заслугах. Старика сажали в глубокое кресло на львиных лапах, в котором он по-стариковски, посреди заседания, засыпал. Проснувшись, адмирал долго не мог понять, где он находится — в Генштабе или в Географическом обществе? Всюду висели военные карты, всюду сновали сосредоточенные люди в мундирах генерального штаба.

— Не скажете, где мы? — уточнял адмирал у соседа.

— В Генштабе, — отвечал сосед и вдруг спохватываясь: — Ой, в Географическом обществе, простите, ваше сиятельство, запутался.

Путались, впрочем, все.

Искусный разведчик — прежде всего искусный притворщик.

Были в Генштабе ряженные купцы, были ряженные дипломаты. С открытием в 1845 году в Петербурге Русского географического общества появились ряженные географы.

Наука открывает мир, и научные экспедиции вдруг оказались источником ценной информации, они проникали туда, где торговые и дипломатические миссии терпели провал. Впрочем, некоторые офицеры Генштаба так долго и хорошо притворялись географами, что со временем действительно превратились в крупных научных светил.

Между тем империя росла на восток.

В Генштабе хватались за три дела: битву за Коканд, поход в Кульджу и покорение Хивинского ханства.

От разведчиков Географического общества требовали информацию.

Разведчики отвечали Генштабу:

— Экспедициям не хватает проводников-*мергенов* и переводчиков-толмачей.

Взять их было неоткуда.

Пришлось учить.

В городе Верном в канцелярии генерал-губернатора открыли школу переводчиков и проводников. Между собой школу называли коротко: канцелярией, а чтобы не путать с канцелярией губернатора, стали звать ее Кульджинской канцелярией — в память о славном Кульджинском походе.

Шло время, школу расширили.

Из канцелярии генерал-губернатора она переехала на Артиллерийскую улицу, в новый каменный дом с полосатой будкой у чугунных ворот. К будке приставили часового, над воротами повесили табличку с золотыми буквами: «Верненская школа переводчиков и проводников. Императорское русское географическое общество».

Заглянем же в этот дом.

Сюда — мимо сонного часового у будки, вверх по парадной лестнице, в класс, где Николай Николаевич Пантусов, выдающийся ориенталист, читает курсантам школы лекцию по этнографии.

Пантусов стоит за кафедрой, курсанты сидят за партами.

Всмотритесь в них. Перед нами будущие Пржевальские, перед нами будущие Каульбарсы!

А впрочем, нас интересует один курсант. Вон тот, за последней партой, что рассеянно слушает лекцию и украдкой рисует на полях тетради стычку казаков с кокандской конницей.

Это Асхат.

Асхату семнадцать лет. По рождению он из славного казахского рода аргын. Предки его крали скот, воевали с калмыками и первыми в степи учили русский язык. Отец Асхата, средней руки *бай*, выбившийся в волостные, дал сыну приличное образование: сперва медресе, где татарин мулла лупил Асхата палкой, заставляя разбирать мудреную арабскую вязь, затем Омский кадетский корпус, где смуглого,

не похожего на однокурсников юношу из казахских степей учили военным наукам, французскому языку и танцам.

После Омска Асхат попросился в действующую армию.

Но пришли вежливые офицеры в мундирах генерального штаба и после получасовой беседы, в которой много говорилось о невидимых врагах, об опасности, в которой находится отечество, и тщательном отборе кандидатов («...ты не подумай, мы это не каждому предлагаем»), Асхата уговорили подписать кое-какие формальные бумаги и перейти в разведку.

Жизнь разведчика была хорошо знакома Асхату. В основном по беллетристике Пржевальского. Битвы с хунхузами, встречи с диковинными зверями, запретные города, куда отважные разведчики проникали, заgrimировавшись под караванчиков. Это была жизнь, полная приключений, опасностей и величайших открытий.

«Да-да, конечно, — сказали Асхату вежливые офицеры, — все непременно будет, и приключения, и величайшие открытия, но сперва надо поучиться в школе переводчиков и проводников. Сколько учиться? Да ерунда, год-другой. Где находится школа? В Верном, слышал о таком городе? Уверены, тебе там понравится».

Вежливые офицеры не соврали.

Город Асхату понравился.

Маленький, зеленый, уютный, он раскинулся у подошвы Заилийских гор. Горы были так близко, что по ночам на городских окраинах ревели голодные барсы...

Незаметно прошел год.

Асхат перешел на второй курс и готовился к выпускным экзаменам.

Но пусть об этом расскажет сам Асхат...

* * *

На лекции я был рассеян.

Утром получил письмо от товарища по кадетскому корпусу. Прочел его по дороге в школу и расстроился. Все наши теперь при настоящем деле, кто на Кавказе, кто на Балканах.

У Буланова два ранения в стычке с горцами, у Ицкевича боевая награда «За проявленную храбрость», а у меня только оценки в табели.

Но ничего, сдам экзамены, а там все изменится.

Кто знает, может быть, попаду к Пржевальскому, говорят, он готовит новую экспедицию в Тибет... Или начнется война с Кокандом, и я получу секретное задание. Какое? Скажем, под видом купца надо проникнуть за стены вражеского города, чтобы ночью открыть нашим войскам ворота...

Я живо представил себе неприятельский город, опоясанный желтой крепостной стеной. Вот, переодетый в купеческое платье, я пробираюсь за стены с каким-нибудь караваном. Хожу по городу, собираю ценную информацию, а ночью возвращаюсь к воротам и угощаю стражу вином, в которое загодя добавил снотворное. Стражники пьют, потом засыпают, выпустив алебарды из ослабевших рук, а я снимаю с городских ворот тяжелый засов, наваливаюсь плечом на створки и, распахнув ворота, подаю условный сигнал. Ярко светит луна. Где-то в поле за городом мигает ответный сигнал, и вскоре, в полной тишине, к воротам подходит наша кавалерия. Она растекается по городу, то тут, то там вспыхивают пожары.

К утру город взят.

«Это все благодаря одному человеку!» — так скажет в своей торжественной речи наш генерал...

— Эй, — товарищ по парте толкнул меня в бок.

— А?

— Уснул, что ли?

— Задумался...

— Пантусов на тебя смотрит.

Я отгоняю мысли о грядущих подвигах и возвращаюсь к лекции.

О чем говорит Пантусов? О том, что легенды и загадки нашего края имеют большое практическое значение для Генштаба. Например, кто сбивает с дороги путников и заставляет их кружить по казахской степи? Что за неведомая сила? А ведь если раскрыть ее природу, приручить и поставить

на службу — никакие наполеоны в будущем не доберутся до Москвы...

Неожиданно лекция прервалась.

В дверь постучали, и на пороге класса возник дежурный офицер. Пантусов спустился с кафедры, подошел к дежурному и о чем-то коротко переговорил с ним. Потом обернулся к классу, взгляд его начал переходить от курсанта к курсанту и, к моему удивлению, остановился на мне.

— Ботабаев...

Я встал из-за парты.

— Да, Николай Николаевич.

— Вас к директору.

— Разрешите идти?

— Идите.

Меня вызывают к полковнику Беку! Зачем? Может, у меня неприятности по учебе? Странно...

Но настоящие странности были впереди.

* * *

Дежурный, доложивший обо мне полковнику, придержал дверь и сказал: «Вас ждут».

Я зашел в кабинет директора. Легенда степного сыска полковник Бек не любил канцелярскую мебель. В кабинете не было ни стульев, ни громоздких письменных столов. Обстановка скорее напоминала убранство казахской *юрты*. Под ногами лежали толстые ковры. Они же украшали стены. В углу, под портретом государя, за невысоким круглым столиком-дастарханом сидел на полу, поджав под себя ноги, маленький сухощавый человек в расстегнутом от жары мундире.

— Курсант Ботабаев по вашему приказу прибыл, — говорю я.

И слышу в ответ:

— Сядь.

Я сажусь на ковер. Бек не поднимает головы от карты, придавленной к столу книгами и саблей в ножнах. В руке у него штабное увеличительное стекло, без которого

не разобрать названий рек, аулов и городов, нанесенных на карту мелким муравьиным письмом.

— Сколько раз говорил, — ворчит он себе под нос, — нанесите на карту Чимкент...

Я откашливаюсь и вдруг неожиданно для себя подсказываю шефу координаты города. Впервые за время моего присутствия он поднимает на меня красные от бессонницы и крепкого *кумыса* глаза.

— Это точно?

— Да, *мырза*.

Бек, что-то помечает на карте.

— Ты чимкентский? — спрашивает он.

— Нет, *мырза*.

Односложный ответ его не устраивает, и тогда, поощренный кивком, я продолжаю:

— Готовлюсь к выпускным экзаменам. Много читаю.

Бек откидывается на ворох подушек, дотягивается рукой до бурдюка с кумысом и, перебалтывая его, смотрит на меня с озорством.

— Какой факультет?

— Языки и этнография.

— Пойдешь в переводчики?

— Так точно!

— Тебя проверить?

— Да, *мырза*.

— Наказание за *барымту*?

— От двух до пяти лет каторги с частичной или полной конфискацией скота. У некоторых казахских родов практикуется самосуд — отсечение руки, клеймение вора.

— Сколько рек течет в Семиречье?

Это вопрос с подвохом, но правильный ответ я знаю.

— Девять рек. Семь наземных — Лепсы, Каратал, Или, Чу, Аксу, Коксу — и... сейчас-сейчас... вспомнил... Тентек! И две подземные реки — Жылан и Коркыт.

Бек улыбается, и вопросы начинают сыпаться один за другим.

— Столица Коканда? Площадь острова Барсакельмес? Словесный портрет Худояра...

Вопросы мне хорошо знакомы, я отвечаю на них, почти не задумываясь. Задав пару вопросов на уйгурском и дунганском языках, Бек наконец иссяк. Сделал глоток кумыса. Тыльной стороной ладони стер белую пенку с губы. Подобрался и стал серьезен.

— Что ж, смотрел твою характеристику, Асхат... Учеба в Омске, перевод в Верный, оценки хорошие, преподаватели тебя хвалят, вредных привычек нет. Пора показать себя в настоящем деле, а, курсант?

В настоящем деле? Мне, курсанту, хотят поручить дело?!

— Значит, так, — продолжил Бек, — от занятий я тебя освобождаю на месяц. У тебя задание, и задание это — с самого верха. Держи, все материалы в этой папке.

Я взял запечатанный пакет.

Дело с самого верха!

подавив желание немедленно сорвать печать, я спросил:

— Что-то серьезное, мырза?

— В нашей канцелярии, — усмехнулся Бек, — все дела серьезные. Свободен.

Выходя из кабинета, я услышал:

— Стой, чуть не забыл. В деле тебе понадобится мерген.

— Приму к сведению, мырза!

— Помолчи и послушай. Свободных мергенов в канцелярии нет. Но есть один... Мы его на пенсию недавно отправили, зовут Жумагали. Запомнил?

— Так точно!

— На всякий случай давай запишу.

Бек вытащил из бумажной стопки чистый лист и что-то на нем написал.

— Вот его адрес, — сказал он, протягивая мне бумагу. — Сходи к нему на Кучегуры, он тебя проконсультирует. Желаю удачи.

Глава 2

Мерген

Пароконный экипаж с табличкой девятого маршрута подкатил к остановке на углу сенного базара. Мальчишка-кондуктор прыгнул с подножки и заголосил:

— Кучегуры! Сенной базар!

Оплатив проезд, я выбрался из душного вагона и пошел пешком по Дунганской улице.

Кучегурами зовут западный край города, а точнее, город в городе, где живут дунгане, уйгуры и сарты. На Кучегурах пряничная архитектура Верного уступает место саманному Востоку. Узкие улочки петляют совершенно естественным образом, будто их проложили по руслу реки, слева и справа тянутся одинаковые серые дувалы, за дувалами цветет урюк и на плоских крышах женщины поют песни и ткут невиданной красоты ковры.

Нумерации на Кучегурах нет, нужный дом я искал по бумажке, которую мне выдал полковник Бек. Там было написано: «Прямо по Дунганской улице. Дом недалеко от мечети. Спросить Жумагали».

Кстати, вот и мечеть.

Старьевщик-уйгур, у которого я спросил дом мергена, бросил свою тележку, улыбнулся и сказал:

— Жумагали? Мерген? Да вот же он, у тебя за спиной!

Я обернулся и увидел невысокого мужчину в пестром халате и ермолке на бритой голове. Мужчина только что вышел из дома и запирал калитку на ключ.

Так вот он какой, мерген!

О мергенах я был наслышан, это были серьезные ребята. Как говорят у нас в канцелярии, настоящие мастера скрадывания. Представляя себе встречу с мергеном, я думал, что увижу хмурого, немногословного старца с каменным лицом *балбала*. А еще у него должен быть такой пронзительный

взгляд с охотничьим прищуром и белесый шрам, косо пересекающий бровь...

Но мерген оказался другим.

Это был моложавый мужчина вполне заурядной внешности. Бородка клинышком, густые усы, выпирающий живот, серые внимательные глаза. Когда я его окликнул, он обернулся и, смерив меня быстрым взглядом, сказал:

— Чего тебе?

От волнения я забыл имя мергена.

— Простите, вы... э-э-э... Жумагали? — сказал я, заглядывая в бумажку.

— Я Жумагали. Ты за насваем? Кулек — пятнадцать копеек.

— Что? Нет! Какой насвай? Мне нужен мерген... Жумагали...

— Говорю же, я мерген, чего надо?

— Я из канцелярии.

— А-а, так бы сразу и сказал. Посыльный?

— Нет, я к вам по делу. По очень важному делу.

— Ясно, поговорим в доме.

Жумагали открыл калитку и посторонился, пропуская меня вперед. За дувалом оказался небольшой дворик. Через двор шла к дому мощенная камнем дорожка. По сторонам от дорожки буйно зеленели грядки — кажется, табака и конопли.

— Как, говоришь, тебя зовут?

— Асхат.

— Курсант?

— Так точно.

— Прости за насвай, принял тебя за клиента... кхе... кхе...

Ну и дела, за клиента он меня принял, да он же торговец насваем! Может, не связываться с ним?

Тут я представил себе полковника Бека: как после месяца бесплодных розысков он отбирает у меня дело и отдает его другому курсанту. Нет! Надо идти до конца. В конце

концов, какое мне дело, чем приторговывает этот... как его... Жумагали...

Дверь, ведущая в дом, была открыта.

Когда мы подошли к порогу, мерген легонько подтолкнул меня в спину, зашел следом и прикрыл за собой дверь. В доме стояла приятная прохлада. Жумагали провел меня в комнату для гостей и усадил за дастархан. Я осмотрелся. По углам комнаты пылились звериные чучела: бурый медведь на задних лапах, пара волков и горный козел с раскидистыми рогами, на которых по-домашнему уютно висел *малахай* мергена. Стены украшали домбры всевозможных видов. Похоже, что мерген увлекался музыкой. Там же, на стене, был подвешен за ружейный ремень охотничий *карамультук* в дорогой отделке, на ложе которого я разобрал девиз: «*Белі бүкір, алысқа түкір*».

— Наградной, — сказал Жумагали, перехватив мой взгляд. — От самого генерал-губернатора Гасфорта... кхе... кхе...

Была у него такая странная манера посмеиваться: сразу и не поймешь, то ли он смеется, то ли покашливает.

— Так ты, говоришь, из канцелярии?

— Да, я к вам по важному делу.

— Чая, кстати, нет, — вдруг сообщил он, виновато разводя руками. — Как раз собирался идти на базар за чаем, а тут ты...

— Нет-нет, не беспокойтесь, я уже завтракал, можем сразу перейти к делу.

Мерген подстелил под себя подушку-*корпе* и уселся напротив меня.

— Ну, давай рассказывай, в чем дело. Консультации у меня, между прочим, платные... кхе... кхе...

Я достал из планшета папку с материалами дела и передал ее мергену. Жумагали быстро пробежал глазами по бумагам.

— Так-так... Распоряжение генерал-губернатора... Найти... Задержать... Доставить живым в крепость... В общем, понятно — розыскное дело.

— Все верно, надо поймать какого-то Жезтырнака. Наверное, это кличка. Вы что-то слышали об этом типе?

Мерген поднял на меня глаза.

— Конечно, слышал, — сказал он с улыбкой. — От бабушки в детстве, сказка такая была — «Жезтырнаки и Мамай».

— Не понял. Какая сказка?

— Ну, сказка про охотника Мамай. Помнишь, как один охотник заночевал в степи и ночью к его костру подсел жезтырнак... Ой, ты же городской парень, может, не знаешь, кто такие жезтырнаки?

— Вообще-то знаю. Но при чем здесь сказка?

— Как при чем? Написано же тут, вот читай: поймать жезтырнака, доставить живым... и так далее.

— Вы смеетесь надо мной?

— Нет.

— Я... я думал, это кличка такая — Жезтырнак... Жезтырнаков же не бывает!

Я смотрел на мергена. Жумагали был серьезен.

— Ну почему не бывает? — сказал он. — Я, например, лично убил троих. Правда, это было давно. Не знал, что они остались.

— Погодите! Может быть, тут путаница в словах? Скажем, есть в степи одичавшие люди, которые утратили человеческий язык, — чем не жезтырнаки?

Но мерген продолжал настаивать: жезтырнаки — это жезтырнаки, да, те самые чудища из сказок, а не какие-то одичавшие бродяги.

— Ну хорошо, — сказал я мергену, — спорить не буду, допустим, мне поручили поймать... э-э-э... чудище из сказки... Но тогда выходит, что мне, простому курсанту, вдруг доверили такое необыкновенное дело! С чего бы это?

Тут мерген усмехнулся, совсем как полковник Бек, когда поручал мне сегодня «серьезное» дело.

— А ты не понял? Видишь ли, Асхат, охота на жезтырнака — это, конечно, необыкновенное, как ты говоришь, задание, но это не наше дело. Оглянись вокруг. Мы почти

на военном положении, *балам*. Вот-вот начнется война с Хивой и Кокандом. У Бека полно забот. В Ташкенте после недавнего провала, я слышал, идет эвакуация наших ребят. Всех не вытащили. Как думаешь, есть ему дело до каких-то там жезтырнаков?

Я понял...

Выходит, дело поручили мне, потому что, с одной стороны, полковник Бек не мог наплевать на приказ, спущенный с самого верха, а с другой, справедливо считая, что не вправе отвлекать на подобные дела опытных оперативников, он отдал его первому попавшемуся на глаза курсанту с хорошими отметками.

То есть мне.

Наверное, я не справился со своими чувствами, потому что мерген смягчился и сказал, заглядывая мне в глаза:

— Не расстраивайся, балам. На таких делах хорошо учиться, поверь мне. Справишься с делом, тебя заметят. А тех, кого замечают, посылают потом в разведку.

Да, разведку надо заслужить.

Только как мне справиться с делом?

Вот бы уговорить мергена...

— Слушай, а кто тебе сказал обратиться ко мне? — вдруг спросил Жумагали.

— Полковник Бек поручил мне дело, он же порекомендовал вас и дал адрес.

— Понятно, — усмехнулся мерген. — Так и знал, что это его проделки.

— А что такое?

— Да то, что засиделся я дома. Вышел на пенсию, делать особо нечего, ковыряюсь себе в огороде, барыжничаю насваем, живот отрастил... тьфу...

— Так вы мне поможете?

На какое-то время мерген задумался, потом, пробормотав «на кого же оставить огород...», вздохнул и сказал:

— Ладно, за дело я берусь, и за консультации платить мне не надо. Честно говоря, мне это дело нужно не меньше,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru